

На правах рукописи

ВОРОНИНА
Галина Александровна

**ПРЕСТУПНОЕ ПЛОДОИЗГНАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕГО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII - НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность: 12.00.01 –
теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Калининград — 2022

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права юридического института ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Научный руководитель: **Финогентова Ольга Евгеньевна,**
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Официальные оппоненты: **Минникес Ирина Викторовна,**
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института правовых исследований ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

Жаров Сергей Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Ведущая организация **ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»**

Защита состоится «29» июня 2022 г. в 16.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.017.03 на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тулский государственный университет» по адресу: 236006, г. Калининград, ул. Фрунзе, д. 6, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г.Калининград, ул. Университетская, д. 2). Электронные версии диссертации и автореферата размещены на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» <http://www.kantiana.ru>.

Автореферат разослан « ____ » мая 2022 г.

Ученый секретарь объединенного диссертационного совета
кандидат юридических наук

Е.В. Осипова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Богатое российское государственно - правовое наследие вызывало и будет вызывать интерес у многих поколений ученых. Мы не можем отрицать того, что российская правовая традиция во многом оказывает существенное влияние на современные процессы, происходящие в России. Накопленный нашими предками колоссальный исторический опыт позволяет нам, опираясь на него, находить новые подходы к тем проблемам, которые встают перед нашим обществом и государством. При этом, современные российские законодатели, должны учитывать, как положительный, так и отрицательный опыт предыдущих поколений, во избежание повторения прошлых ошибок.

Именно поэтому историко-правовые исследования становятся как никогда актуальными, а особенно исследования, посвященные столь неоднозначной проблеме, как проблема установления уголовной ответственности за производство аборта.

Сегодня в Российской Федерации масштабы такого социального явления как искусственное прерывание беременности не по медицинским показаниям ужасающие: 50% нереализованных беременностей, повреждение репродуктивной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями (инфекционно-воспалительные заболевания, невынашивание беременности, бесплодие и т.д.).

В последние годы пристальное внимание многих общественных и религиозных организаций обращено не столько на медицинские последствия этой операции для здоровья женщины, сколько на ее морально-этические последствия. Так, правительством и депутатским корпусом принимаются активные меры по сокращению данного явления, что свидетельствует об особом интересе государства к сохранению и укреплению физического и духовного здоровья населения, а также решению демографических проблем. В частности, депутатами Е.Б. Мизулиной и О.Н. Епифановой совместно с Русской Православной Церковью в 2015 г. был внесен на рассмотрение Государственной Думы ряд законопроектов, которые, по их мнению, могут умень-

шить количество абортов в нашей стране. Законопроекты предлагают исключить проведение аборта по желанию женщин без медицинских и социальных показаний из системы обязательного медицинского страхования. Заметим, что такой подход практикуется в ряде европейских государств, например, в ФРГ, где оплата абортов по страховке предусмотрена только при наличии указанных в законе медицинских и социальных показаний или на основании тяжелого материального положения женщины, подтвержденного документально. Кроме того, авторы законопроектов предлагают, во-первых, запретить розничную продажу лекарственных средств, предназначенных для искусственного прерывания беременности; во-вторых, ввести обязательную визуализацию и прослушивание женщиной сердцебиения ее плода перед принятием окончательного решения об аборте.

Подчеркнем, что Русская Православная Церковь ведет активную, постоянную борьбу с этим явлением. В 2000 г. Церковно-общественный совет по биомедицинской этике при Московском патриархате принял Заявление «О грехе детоубийства», осудив аборты и указав на то, что по христианскому вероучению аборт однозначно представляет собой убийство. Такая оценка искусственного прерывания беременности со стороны одного из важнейших социальных институтов нацелена на изменение отношения к абортам в массовом сознании россиян, улучшение нравственного климата в обществе, и, в конечном итоге, на сохранение института семьи.

На этом фоне достаточно часто высказываются идеи о полном запрете абортов в России. Для сравнения, в Польше и Абхазии принимаются законы о запрете абортов, причем в Абхазии в 2016 г. принят закон, запрещающий проведение этой процедуры женщине даже по медицинским показаниям, что привело к гибели беременных женщин и развитию такого явления, как абортный туризм. Подобная практика свидетельствует о необходимости взвешенного подхода к решению проблемы нормативного регулирования отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности. Данная проблема, по нашему мнению, имеет не только правовой, но и политический, социально-экономический, а также культурный аспекты, которые следует рассматривать в исторической перспективе. Так, один из основоположников

учения о социальной медицине французский философ и историк М. Фуко в конце 1970-х – начале 1980-х гг. предпринял успешную попытку проследить эволюцию государственного контроля над сферой оказания медицинских услуг в странах Западной Европы XVIII – XX вв. История отечественного государства и права предоставляет не менее богатый и интересный материал для исследования развития отношения государства и церкви того же периода к ответственности за искусственное прерывание беременности.

В Древнерусском государстве, Московском государстве, а затем и в Российской империи аборт был известен под названиями «плодоизгнание», «плодоистребление», «изгнание плода» и квалифицировался в качестве уголовного преступления. При этом отношение к аборту, как к преступному деянию, было тесно связано с христианской религиозной догматикой, которая трактовала его как убийство, поскольку считалось, что душа возникает в человеческом зародыше с момента зачатия. В диссертационном исследовании используется термин «преступное плодоизгнание» для того, чтобы отделить уголовно наказуемое искусственное прерывание беременности от процедуры, которая проводилась по медицинским показаниям и разрешалась законом.

Совокупность исследований, затрагивающих проблему прерывания беременности, в настоящее время многообразна. Однако следует отметить отсутствие в современной российской юридической науке комплексного историко-правового исследования, посвященного изучению основных этапов и особенностей эволюции ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века. Историческое развитие данного института рассматривается нами с точки зрения взаимодействия церковной и светской властей, соотношения понятий греха и преступления в нормативных актах, судебных решениях и доктринах, а также в связи с приобретением медицинских знаний и нормализацией медицинской практики начиная с первой трети XVIII в. (учреждение повивальных институтов, родильных госпиталей и т.д.).

Степень научной разработанности проблемы. Анализ общих положений уголовного права Российской империи проводился ведущими русскими дореволюционными юристами. В первую очередь отметим работы Л.С.

Белогриц-Котляревского, В.В. Есипова, П.Д. Калмыкова, А.В. Лохвицкого, В.Д. Набокова, И.М. Наумова, Н.Н. Розина, М.Н. Гернета, И.Я. Фойницкого, Г. С. Фельдштейна, Я.Г. Северского, И.Б. Новицкого и др.

Всестороннему постатейному анализу положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года посвящены работы таких известных русских дореволюционных авторов как В.В. Есипова, К.А. Летника, А.И. Бростерма, А.Д. Марголина, Н.А. Неклюдова, Н.С. Таганцева, А.К. Фон-Резона, И.Г. Щегловитова.

Система наказаний и отдельные его виды по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г. исследовались в работах М. А. Корфа, Н.Н. Евреинова, А.А. Жижиленко, В.Д. Жижина, С. И. Баршева, М. Н. Гернета, С. В. Максимова, С.П.Мокринского, С. В. Познышева, А. С. Старновского, А. Г. Тимофеева.

Весомый вклад в исследование данной проблемы внесли русские ученые-правоведы, занимавшиеся вопросами уголовной статистики, в частности, Е.Н. Анучин (Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь, 1866) и Е.Н. Тарновский (Статистические сведения об осужденных за повторение преступлений (1901-1905 гг., 1909). Их научные труды, посвященные проблематике рецидива преступности, характеристике и анализу женской преступности, содержат важную информацию о количестве преступников, сосланных в Сибирь. Следует отметить, что, хотя, указанные исследователи внесли существенный вклад в развитие уголовной статистики, однако статистические данные в их трудах представлены лишь по некоторым периодам и не отражают целостной картины динамики преступности в Российской империи того времени.

Среди работ дореволюционных ученых отдельное место занимают исследования, посвященные анализу составов таких преступлений, как детоубийство и плодоизгнание, и их соотношению. Подробное освещение эти вопросы получили в работах М.М. Боровитинова (Детоубийство в уголовном праве, 1905), А.Д. Любавского (О детоубийстве, 1863) и др. Заметим, что плодоизгнание рассматривается ими как вид детоубийства.

Проблемы уголовно-правовой квалификации плодоизгнания освещены в работах В.А. Бродского, М.Н. Гернета, А.А. Гинзбурга, Я.А. Канторовича, А.С. Игнатовского, М.Л. Олейника, И.В. Платонова, Н.С. Таганцева, И.Б. Фукса.

Отдельно следует выделить диссертации на степень доктора медицины А.В. Грегори (Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского Окружного Суда за 20 лет, 1885-1904), 1908), В. Линденберг (Материалы к вопросу детоубийств и плодоизгнаний в Витебской губернии (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897-1906), 1910). В них с медицинской точки зрения рассматривается проблема преступного плодоизгнания, приводятся случаи из практики и проводится статистический анализ данного явления в отдельных губерниях. Примечательно, что и в этих исследованиях плодоизгнание рассматривается в тесной связи с детоубийством, а не в качестве самостоятельного состава преступления.

В советский период исследования по данной тематике отсутствуют, но имеются исследования, посвященные вопросам уголовного права Российской империи. Так, С.С. Остроумовым проведено исследование о преступности и ее причинах в дореволюционной России. Анализ положений Уголовного Уложения 1903 г. представлен в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук В.А. Балыбина. Исследуя проблему абортов в советской России в 1927 г., М.Н. Гернет обращается и к дореволюционному периоду истории отечественного государства и права.

Современные исследования, посвященные проблемам уголовного законодательства Российской империи, содержат интересные выводы о его систематизации, периодизации, развитии отдельных институтов. Отметим среди них работы О.В. Андрусенко, Я.Н. Куемжиевой, А.И. Сидоркина, И.В. Якоби, Т.Ф. Ящук и др.

Серьезные исследования проводились и по церковному праву. Так, место церковного права в системе отраслей права Российской империи, а также взаимодействие светского и церковного права в России конца XVIII – начала XX вв. исследовались в диссертации на соискание ученой степени доктора

юридических наук Дорской А.А. (Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. 2008).

Историко-правовой анализ влияния христианства на развитие уголовной политики и уголовного процесса в России рассматривается в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Липского Н.А. (Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (историко-правовой анализ), 2003). Вопросы исторической эволюции церковных наказаний, развитие монастырской пенитенциарной системы в России XV – XVII вв., а также проблема соотношения норм уголовного права и норм религиозного деликтного права поднимались С.О. Шаляпиным в монографии «Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков», 2013.

Современные авторы, исследуя проблему аборта, рассматривают ее в двух аспектах: медицинском и юридическом. При этом они обращаются к изучению истории правового регулирования прерывания беременности и проводят сравнительно-правовой анализ оснований и мер ответственности за незаконное осуществление аборт в Российской Федерации и иностранных государствах. В связи с этим следует отметить работы В.Б. Безгина, В.А. Буклова, М.А. Горбатовой, К.В. Дядюн, А.А. Снигирева, Е.В. Кунц и др.

Проблемы репродуктивного поведения русских женщин во второй половине XIX — начале XX в. исследуются в статьях историков Н. Л. Пушкаревой и Н. А. Мицюк, а вопросы этического и юридического статуса плодизгнания поднимаются в работах Е.Н. Гнатик и Е.А. Соковой, моральные и правовые аспекты проблем аборт, современные биоэтические проблемы правового статуса эмбриона исследовались О. Э. Старовойтовой и Н. В. Янчар.

Также результаты исследований правовых последствий незаконного производства аборт и его этических аспектов в современное время представлены в виде небольшого числа диссертационных исследований. Прежде всего это работа Л.А. Лозанович (Незаконное производство аборт: уголовно-правовой и криминологический аспекты, 2004), в которой исследуются уголовно-правовой и криминологический аспекты незаконного производства

аборта, и работа Н.Д. Антиповой, рассматривающая этический аспект осуществления аборта (Аборт как этическая проблема, 2005).

Проблемы квалификации незаконного искусственного прерывания беременности в РФ рассматриваются в работе И.А. Киселёва и Е.Н. Безрукова.

Все это свидетельствует о несомненном исследовательском интересе ученых к данной проблеме и подтверждает, что на настоящий момент в современной российской юридической науке отсутствует комплексное исследование института ответственности за преступное плодозгнание в Российской империи XVIII – начала XX века.

Хронологические границы диссертационного исследования охватывают период с XVIII до начала XX вв. Но само исследование шире, поскольку исследуемая проблема не может быть раскрыта в полном объеме без проведения анализа предпосылок формирования изучаемых общественных отношений.

Нижняя граница диссертационного исследования определена в связи с тем, что в законодательных актах XVIII в. еще не сложилась четкая система норм о плодозгнании, что свидетельствует об отсутствии на данном этапе развития уголовного права ярко выраженного интереса государственной власти к рассматриваемой сфере общественных отношений. Плодозгнание понимается законодателем как разновидность детоубийства, следствием чего становится отсутствие разработки элементов состава этого преступления в качестве самостоятельного. Значительное влияние на законодателя оказывает православная церковь, осложняя разграничение юридического и этического аспектов плодозгнания - преступного и греховного одновременно. Однако в XVIII в. появляются первые законодательные акты, направленные на защиту плода от посягательства на него. Эти акты носили разрозненный характер, но, несомненно, свидетельствовали о формировании по образцу западноевропейских государств того времени т.н. социальной медицины, предполагающей нормативное регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодозгнание.

Верхняя граница диссертационного исследования определена началом XX в. Система законодательства, сформировавшаяся за два предыдущих столетия, сохраняется с определенными коррективами до 1917 г., когда законодательные акты Российской империи, в том числе и в области уголовного права, прекратили своё действие.

Источниковая база исследования. Источниковая база диссертационного исследования определяется прежде всего целью и задачами исследования и состоит из нескольких частей. Первая группа источников диссертационного исследования представлена законодательными актами Российской империи, которые содержатся в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи. Использование данных источников позволило автору не только провести комплексное исследование, но и изучить предмет в динамике исторического развития, разработав собственную периодизацию эволюции правовых норм, регулирующих ответственность за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века.

Нормативными актами, составившими основу исследования, являются: Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 22 января 1669 г., указ от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях госпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей», Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом», Военский устав от 30 марта 1716 г., Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать от 12 сентября 1728 г., Сенатский указ от 25 июля 1729 г. «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств в знании Медицины», Указ от 29 апреля 1754 г. «О порядочном учреждении бабичьева дела в пользу общества», Устав Благодичиния 1782 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующие редакции, Уголовное уложение 1903 г., устав Повивального института и Родильных Госпиталей при императорском Московском Воспитательном доме от 15 марта 1858 г., Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные 1857 г.; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 11 марта 1875 г. «Об ответственности лиц, не имеющих

права заниматься врачебной практикой, за злоупотребление при врачевании ядовитыми и сильнодействующими веществами» и т.д.

Ко второй группе относятся источники канонического права Русской Православной церкви, такие как: Номоканон или Законное правило, а также различные его редакции, Номоканон Иоанна Постника с толкованиями епископа Никодима, Номоканон сокращенный старообрядческий, правила Василия Великого, поучения церковных иерархов и т.д.

Третья группа источников представлена ранее не публиковавшимися материалами архивных хранилищ Российской Федерации: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГААО) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

Фонды российского государственного архива представлены фондом Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената (Ф-1363) и фондом Медицинского совета при МВД (Ф-1294). Из документов фонда Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената использовались кассационные дела, прошения о прекращении, возобновлении и пересмотре дел, дела по апелляционным отзывам на приговоры судебных палат по делам, связанным с уголовной ответственностью за плодоезгание. Особый интерес представляют фонды Медицинского совета при МВД (Ф-1294), содержащие сведения о судебно-медицинской экспертизе за 1822–1887 гг. (оп. 6), в том числе и по делам, связанным с преступным плодоезганием, материалы об изменении порядка приобретения звания повивальных бабок (оп. 9); журналы заседаний Медицинского совета; дела об учреждении устава акушерско-фельдшерских школ; об открытии аптек; о судебно - медицинской экспертизе (оп. 10). Также использовались документы фондов Государственного архива Астраханской области (ГААО), посвященные вопросам развития акушерского дела в регионе, материалы дел Государственного архива Иркутской области (ГАИО), которые содержат сведения о наказаниях за плодоезгание, налагаемых духовной консисторией (Ф-50); Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), содержащие сведения о расследовании судебными следователями Ярославской губернии дел о

плодоизгнания (Ф-347); материалы фонда Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (Фонд 487), содержащие переписку о лицах, обвиняемых в детоубийстве и изгнании плода.

Четвертую группу источников составляют справочные и статистические материалы, материалы судебной практики. Особое внимание уделяется сборникам решений Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената за различные годы, в которых разъясняются и восполняются пробелы законодательства Российской империи.

Пятая группа источников представлена периодическими изданиями, содержащими решения Кассационных департаментов Правительствующего Сената, справочные материалы, а также материалы судебной статистики. На страницах «Журнала Министерства Юстиции», «Юридического вестника», «Журнала гражданского и уголовного права» велись научные дискуссии, нашедшие отражение в диссертационном исследовании.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с уголовной и канонической ответственностью за плодоизгнание в Российской империи.

Предмет исследования представляет собой совокупность норм светского и канонического права, регламентирующих ответственность за плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века, а также взгляды ведущих отечественных дореволюционных юристов на проблематику нормативного регулирования вопросов, связанных с прерыванием беременности.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление особенностей становления и развития правового регулирования уголовной и канонической ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века.

Достижение указанной цели осуществляется посредством решения следующих **задач**:

1) проследить влияние канонического права на представления законодателя о плодоизгнании как преступном деянии;

2) выявить место преступного плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи XVIII - начала XX вв.;

3) определить понятие преступного плодоизгнания, сформировавшееся в отечественной дореволюционной юридической науке;

4) установить особенности ответственности за плодоизгнание по нормам канонического права;

5) разработать авторскую периодизацию развития института уголовной ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века;

6) установить виды уголовной ответственности беременной женщины, а также третьих лиц, в том числе, обладающих профессиональными знаниями, за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века;

7) раскрыть на материале истории отечественного государства и права специфику такого направления государственной политики Нового времени как социальная медицина, включающего в себя нормативное регулирование медицинской практики и медицинского образования.

Методологическая основа исследования. Процесс диссертационного исследования построен на основе комплекса общенаучных и специальных методов. Из общенаучных методов автор использовал методы: дескриптивный, диалектический, системный, логический, анализа и синтеза. В ходе работы автор опирался на такие специальные методы как: сравнительно-правовой и историко-правовой, формально-юридический, хронологический метод и др.

Дескриптивный метод дал возможность автору исследовать и охарактеризовать основные положения законодательства Российской империи XVIII - начала XX века об уголовной и канонической ответственности за преступное плодоизгнание.

Диалектический метод исследования позволил автору выявить противоречия в нормативно-правовых актах Российской империи XVIII - начала XX века, регулирующих ответственность за преступное плодоизгнание.

Логический метод позволил сформировать теоретическую базу исследования и обеспечить системность исследования.

Метод анализа позволил выявить основные элементы уголовной и канонической ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века, раскрыть содержание понятия плодоизгнания. Метод синтеза дал возможность воссоздать характерные для исследуемого периода механизмы и модель правового регулирования ответственности за преступное плодоизгнание по нормам уголовного и канонического права. Хронологический метод исследования позволил автору рассмотреть процесс изменения законодательства о преступном плодоизгнании и ответственности за него в строгой хронологической последовательности.

Метод историко-правового анализа дал возможность выявить и охарактеризовать основные этапы эволюции правовых норм, регулирующих ответственность за плодоизгнание в Российской империи XVIII - начала XX века.

На основе применения сравнительно-правового метода установлено место преступного плодоизгнания в дореволюционной системе уголовных преступлений.

При помощи системного подхода понятие преступного плодоизгнания и ответственность за преступное плодоизгнание были исследованы как совокупность взаимосвязанных элементов самостоятельного юридического института и соответствующей правовой доктрины, которая сформировалась на протяжении двух столетий.

Использование формально-юридического метода сделало возможным определение исследуемых понятий и категорий. Применяя данные методы научного познания, автор придерживался комплексного подхода в целях всестороннего анализа исследуемой проблематики.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные исследования российских дореволюционных ученых - юристов специалистов в области уголовного права Российской империи Е.Н. Анучина, М.Н. Гернета, А.А. Гинзбурга, Л.С. Белогриц-Котляревского, А.И. Бростерма, В.А. Бродского, М.М. Боровитинова, В.В. Есипова, А.С. Игнатовского, П.Д. Калмыкова, Я.А. Канторовича, А.В. Лохвицкого, К.А. Летника, А.Д. Любавского, А.Д. Марголина, Н.А. Неклюдова, В.Д. Набокова, И.М. Наумова, М.Л. Олейника, И.В. Платонова, Н.Н. Розина, Я.Г. Северского, Н.С. Та-

ганцева, Е.Н. Тарановского, И.Я. Фойницкого, Г. С. Фельдштейна, А.К. Фон-Резона, И.Б. Фукса, И.Г. Щегловитова.

Современные диссертационные и монографические исследования Н.Д. Антиповой, О.В. Андрусенко, В. А. Балыбина, В.Б. Безгина, В.А. Букловой, М.А. Горбатовой, А.А. Дорской, К.В. Дядюн, С.Н. Жарова, С.В. Кодана, В.И. Костенко, Е.В. Кунц, Я.Н. Куемжиевой, М.Г. Коротких, Н. А. Липского, Е.Н. Марсиновой, И.В. Минникес, Т.В. Непомнящей, А.И. Сидоркина, А.А. Снигирева, С.О. Шаляпина, И.В. Якоби, Т.Ф. Ящук.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в российской историко-правовой науке на монографическом уровне проведен комплексный анализ норм, регламентирующих ответственность за изгнание плода в Российской империи XVIII – начала XX века по уголовному и каноническому праву. В результате предложена авторская периодизация эволюции правовых норм, регулировавших в данный период общественные отношения, связанные с преступным плодоизгнанием.

Систематизация обширного объема нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и научной литературы позволила, на основе контекстуального анализа, определить особенности концепций преступного плодоизгнания, разработанных дореволюционными юристами и выраженных в положениях действовавшего законодательства Российской империи и проекта Уголовного уложения 1903 г.

Выявлено определяющее влияние догм христианского вероучения на формирование отечественной правовой доктрины, в частности, на развитие понимания законодателем плодоизгнания как преступного деяния. При этом уточнены основания и меры ответственности за преступное плодоизгнание по нормам канонического права.

Установлено место преступного плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи.

Определен состав преступного плодоизгнания, установлены меры ответственности, предусмотренные за данное преступление для беременной женщины, медицинских работников (врачей и акушерок, повивальных бабок, аптекарей) и иных лиц, проводивших плодоизгнание.

Разработана и представлена оригинальная модель эволюции института ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века, которая соотносится с представлениями ведущих современных ученых о социальной медицине как самостоятельном направлении внутренней политики государства эпохи Нового времени.

В научный оборот введены ранее не исследованные историками права материалы из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Ярославской области, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эволюцию юридического статуса плодоизгнания можно разделить на три этапа в зависимости от степени интереса государственной власти к регулированию общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него.

Первый этап: появление первых правовых актов, защищающих плод (с начала X до XVIII века). На данном этапе в нормативно-правовых актах отсутствуют статьи, прямо предусматривающие ответственность за плодоизгнание. Тем не менее, в них содержится понятие избавления от плода, при этом оно не отделяется от понятия детоубийства. Появляются первые нормативно-правовые акты, направленные на защиту плода беременной женщины, что свидетельствует о формировании нового направления внутренней политики государства, проявляющего заботу о сохранении здоровья населения.

Второй этап: становление института плодоизгнания в Российской империи (XVIII – первая половина XIX века). На данном этапе плодоизгнание рассматривается как преступление, посягающее на семейные устои и нравственность, ответственность за совершение которого дифференцируется в зависимости от того, был ли зачат ребенок в браке или в «блуде». Таким образом, формирующееся новое направление внутренней государственной политики включает в себя заботу не только о физическом здоровье населения, но и об укреплении нравственности. Плодоизгнание по-прежнему не представляет собой самостоятельного вида преступления, не отделяется от убийства

новорожденного младенца и охватывается общим понятием детоубийства. Появляются первые правовые нормы, направленные на защиту и поддержку следующих категорий лиц: 1) беременных женщин; 2) незаконнорожденных детей; 3) их матерей.

Третий этап: кодификация норм об ответственности за плодизгнание (середина XIX – конец XIX века). Этот этап связан с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Прерывание беременности впервые выделяется законодателем в самостоятельный состав преступления, получивший наименование «изгнание плода». В этот период принимается Устав судебной медицины, содержащий рекомендации по исследованию мертвых тел как умершей женщины (в том числе беременной), так и тела новорожденного ребенка или изгнанного плода. Кроме того, принимается Устав врачебный, закрепляющий ответственность медицинских работников за проведение процедуры изгнания плода не по медицинским показаниям. На данном этапе систематизируется законодательство, регламентирующее торговлю медицинскими препаратами и ядовитыми веществами, которые могли использоваться в качестве плодизгоняющих средств. Несмотря на существенные пробелы в этих нормативно-правовых актах, их появление свидетельствует о формировании в Российской империи XVIII – начала XX века по образцу западноевропейских государств того времени социальной медицины, предполагающей нормативное регулирование практически всех вопросов, связанных с прерыванием беременности: от подготовки медицинских кадров до детализации уголовной ответственности за преступное плодизгнание. Поэтому в рассматриваемый период активно развивается система учебных заведений для обучения российских подданных повивальному искусству.

2. Значительное влияние на регулирование общественных отношений, связанных с искусственным прерыванием беременности и ответственности за него в Российской империи XVIII – начала XX века оказывает Русская православная церковь, что осложняет разграничение юридического (преступление) и этического (грех) аспектов плодизгнания. Формирование представления законодателя о плодизгнании как преступном деянии обусловлено дог-

мами христианского вероучения. С точки зрения христианской догматики, прибегнувшая к намеренному прерыванию беременности женщина совершала три смертных греха: 1) посягательство на человеческую жизнь; 2) лишение нерожденного младенца благодати крещения; 3) попытка сокрытия последствий своего блуда. На этом основании Константинопольский Собор 692 г. приравнял плодоизгнание к убийству. Поскольку плодоизгнание являлось смертным грехом с точки зрения догм христианской церкви, по нормам светского права оно стало считаться преступлением.

3. По нормам канонического права в соответствии с положениями Номоканона на женщин, совершивших плодоизгнание, накладывалась такая же епитимья, как и на лиц, совершивших умышленное убийство. При этом различные редакции Номоканона предлагали накладывать епитимьи разной продолжительности, в связи с чем срок мог варьироваться от 3 до 10 лет. При наложении епитимьи учитывались следующие обстоятельства: 1) степень раскаянья женщины; 2) ее сотрудничество с властями при раскрытии преступления; 3) отзывы о ней и т.д. При наложении наказания Духовным консисториям рекомендовалось назначать епитимью осмотрительно, чтобы не причинить вреда нравственному здоровью виновного лица (привести к отчаянию, ожесточению или впадению в раскол). Допускалось уменьшение срока наложенной епитимьи в том случае, если лицо искренне раскаивалось в совершенном преступлении.

4. В российском уголовном праве конца XIX - начала XX века преступления классифицировались по объекту преступного деяния и по сфере общественных отношений, на которые совершалось посягательство. Они подразделялись на преступления против личности, против государства и против общества. Изгнание или умерщвление плода в системе уголовных преступлений являлось привилегированным преступлением и относилось к преступлениям «против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». Такой подход законодателя позволяет утверждать, что в Российской империи параллельно с укреплением государственной власти и бюрократизацией административного аппарата развивается этатизация частной жизни, которая выражается в становлении новой модели социально-политического устройства,

известной в философско-правовой литературе XIX – начала XX века как «полицейское государство». Этот процесс происходил в исследуемый период в ряде европейских государств, и имел конечной целью нормативное закрепление ценности жизни и здоровья людей в качестве объекта государственной защиты.

5. Российские правоведы в конце XIX - начале XX века сформулировали определение понятий медицинского выкидыша и преступного выкидыша. Под «медицинским выкидышем» правовая доктрина понимала операцию по преждевременному прекращению беременности, которая проводилась по медицинским показаниям, в частности, угрожающим жизни беременной. Во всех остальных случаях преждевременное прекращение беременности при помощи abortивных средств или механического воздействия на плод квалифицировалось правоведом как «преступный выкидыш», т.е. уголовно наказуемое «изгнание плода».

6. Под «изгнанием плода» (плодоизгнанием) в российском законодательстве конца XIX – начала XX века, понималось умышленное, противозаконное, сознательное умерщвление и изгнание плода из тела матери. Объективная сторона данного преступления заключалась в самом факте производства плодоизгнания, независимо от конкретных причин искусственного прерывания беременности. Объектом преступления являлся живой, но еще нерождённый плод. Субъективная сторона преступления выражалась в прямом умысле: виновный должен был полностью осознавать противоправный характер своих действий, предвидеть, что в результате их совершения плод будет умерщвлен и беременность прервана, а также желать наступления такого результата. Субъектом данного преступления могла быть как сама беременная, если она совершила преступные действия, приведшие к изгнанию плода, так и иные лица, если дача abortивных препаратов была сделана без согласия и знания об этом беременной. Преступление считалось оконченным, когда от преднамеренных действий виновного лица наступили последствия в виде гибели плода и изгнания его из тела матери.

7. В исследуемый период происходит последовательная либерализация законодательства, регулирующего наказание за преступное изгнание плода.

Установленные в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. телесные наказания в последующих редакциях Уложения о наказаниях отменяются, бессрочное поселение в отдаленнейших местах Сибири заменяется для беременной женщины, совершившей изгнание плода, тюремным заключением. Такая тенденция прослеживается и при наказании лиц, производивших плодизгнание, но не имеющих «специальных знаний», соучастников и лиц, имеющих «специальные знания» (повивальных бабок, врачей и акушеров, аптекарей). Для данных субъектов преступления бессрочное поселение в отдаленнейших местах Сибири, телесные наказания, клеймение и каторжные работы (когда изгнание плода повлекло за собой смерть женщины), заменялись помещением в арестантские отделения на определенный срок. Наказание для лиц, имеющих «специальные знания», было на 1 степень строже, чем наказание беременной женщины, с согласия которой оно было произведено.

8. Преступное плодизгнание в Российской империи XVIII – XX века носило латентный характер, его было крайне сложно выявить. Дела об изгнании плода возбуждались по следующим основаниям: 1) факт скоропостижной смерти женщин, когда в ходе вскрытия устанавливалось, что именно попытка плодизгнания привела к ее летальному исходу; 2) сообщение из медицинского учреждения о поступлении на лечение женщины с признаками перенесенного аборта; 3) донос. При этом в исследуемый период отсутствовали специальные знания, дающие возможность доказать безусловную вину лица в проведении им процедуры изгнания плода. Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что до судебного рассмотрения доходило незначительное количество дел по преступному изгнанию плода. Латентный характер преступного плодизгнания, развитие отечественной юридической науки и радикальные изменения во всех сферах жизни российского общества начала XX в. обусловили либерализацию ответственности за искусственное прерывание беременности. Постепенное смягчение политики государства в отношении социальной медицины впоследствии стало отправной точкой для советского законодателя 1920-х гг.

Теоретическое значение диссертационного исследования состоит в том, что рассмотренные в нем проблемы становления и развития уголовной и

канонической ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века относятся к мало изученным в современной науке истории отечественного государства и права.

Результаты проведенного исследования способствуют расширению научных представлений об истории уголовного права России, особенностях эволюции законодательства об ответственности за преступное плодоизгнание в Российской империи XVIII – начала XX века, а также представлений о роли государства в обеспечении здоровья населения путем организации контроля за медицинской практикой и распространением медицинских знаний в эпоху Нового времени. Кроме того, основные выводы и положения, выносимые на защиту, могут представлять интерес для исследователей, интересующихся вопросом о соотношении категорий греха и преступления в нормативных актах, судебной практике и правовой доктрине дореволюционной России.

Материалы диссертации также могут найти применение в дальнейших исследованиях, направленных на сохранение и поддержание института семьи и решения проблем репродуктивной политики в Российской Федерации.

Практическое значение диссертационного исследования. Материалы диссертационного исследования можно использовать в процессе подготовки учебных курсов и преподавании дисциплин историко-правового и теоретико-правового цикла (история государства и права, этика и философия права), а также дисциплин, связанных с историей государственно-конфессиональных взаимоотношений, судебной медицины, криминологии и др.

Результаты данного исследования могут быть учтены в современной законодательной и правоприменительной деятельности при формировании социальной, экономической, демографической и медицинской политики Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы автора отражены в 15 научных статьях, из них 4 статьи опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные результаты проведенного автором научного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и международных научно-

практических конференциях: «Актуальные проблемы мировой и региональной экономики и юриспруденции на современном этапе» (Махачкала, 15 февраля 2012 г.); «Дни науки-2012» (Прага, 27 марта - 5 апреля 2012 г.); «Перспективы развития науки и образования» (Москва, 29 ноября 2013 г.); «Цифровая криминалистика: вызовы XXI века» (Балтийский федеральный университет им. И. Канта при поддержке Союза криминалистов и криминологов и Российского профессорского собрания, 28 августа 2020 г.); «Всероссийская научная конференция, посвященная памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова» (Новосибирск, 28 октября 2020 г.); XLIV Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире» (Москва, 28 февраля 2022 г.). Положения диссертационного исследования были внедрены в образовательный процесс Филиала «ВГУВТ», ФГБОУ ВО «Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина».

Структура диссертации. Диссертационное исследование представлено в виде следующих структурных элементов: введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение, библиографический список, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, раскрывается степень её научной разработанности. Дается характеристика источников и историографический обзор научной литературы по исследуемой проблеме. Определены объект, предмет, цель и задачи исследования, хронологические рамки. Обоснованы новизна, а также теоретическая и практическая значимость исследования. Раскрывается используемая методология, формулируются положения, выносимые на защиту. Отражена степень достоверности исследования и апробация полученных результатов.

В первой главе, которая называется: **«Формирование в России ответственности за плодоизгнание в уголовном и каноническом праве»**, два параграфа.

В первом параграфе **«Основные этапы формирования института уголовной ответственности за плодоизгнание в России»** предложена ав-

торская периодизация эволюции правовых норм, регулировавших в данный период общественные отношения, связанные с преступным плодоизгнанием.

В результате крещения Руси и восприятия ею норм христианской морали, а также в процессе развития российской государственности, начинают формироваться нормы уголовного и канонического права, вводящие ответственность за изгнание плода. Для проведения комплексного анализа уголовной и канонической ответственности за данное преступление необходимо установить основные этапы развития данного института в России.

Эволюцию юридического статуса плодоизгнания условно можно разделить на три этапа.

Первый этап: появления первых правовых актов, защищающих плод (с начала X до XVIII века);

Второй этап: становление института плодоизгнания в Российской империи (XVIII – первая половина XIX века);

Третий этап: кодификация норм об ответственности за плодоизгнание (середина XIX – начало XX века).

Приведенная периодизация позволяет систематизировать и обобщить ключевые особенности генезиса и развития института уголовной ответственности за преступное плодоизгнание в России и, тем самым, значительно углубить понимание исследуемого явления. Предлагаемая периодизация даёт возможность четко установить основные этапы хронологического развития института уголовной ответственности за преступное плодоизгнание, а также выявить качественные характеристики и сущность отдельных этапов.

Второй параграф первой главы «**Ответственность за плодоизгнание в Российской империи: сочетание канонического и уголовно-правового подходов**» исследует влияние догм христианского вероучения на формирование отечественной правовой доктрины. Раскрывает влияние церковных догм на развитие понимания светским законодателем плодоизгнания как преступного деяния, исследуются формы использования государственной властью авторитета Церкви. В частности, назначения церковного покаяния, как дополнительного наказания к уголовному наказанию. Согласно ст. 61 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. к уголовным и ис-

правительным наказаниям, в определяемых законом случаях, присоединялось церковное покаяние, которое также назначалось, если в качестве меры наказания было предусмотрено лишение всех прав состояния. Церковное покаяние, являясь мерой религиозно-нравственного, воспитательного и морального воздействия как на преступника, так и на общество в целом, опиралось на этические принципы христианского вероучения. Источники русского канонического права, четко указывали на то, что с позиции Православной церкви, плодоизгнание являлось преступлением, которое, по своей тяжести, приравнивалось к убийству и устанавливало за него такие виды церковного наказания как: ссылка на время в монастырь на труды, епитимья и публичное покаяние. Виды и сроки наказания определялись начальством Духовных консисторий по месту отбытия уголовного наказания.

Вторая глава диссертационного исследования **«Проблемы преступного плодоизгнания в Российской дореволюционной юридической науке»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Место плодоизгнания в системе уголовных преступлений Российской империи»** проводится анализ взглядов ведущих российских дореволюционных юристов в области уголовного права и криминалистики по проблеме классификации преступлений. Научные концепции русских ученых специалистов в области уголовного права оказали серьезное влияние на формирование правовых норм и на их правоприменение, которое формировалось под серьезным влиянием господствовавших в обществе идей в сфере философии и социологии права. Проводится анализ разработанных русскими учеными - юристами классификаций уголовных преступлений. Делается вывод о том, что во второй половине XIX века в науке российского уголовного права была сформулирована классификация системы преступлений. И хотя единого подхода к этой проблеме не существовало, но большинство российских ученых в качестве критерия классификации выбирали объект преступного деяния. Изгнание плода (истребление плода, преступное плодоизгнание) являлось уголовно-наказуемым деянием и имело свое место в системе уголовных преступлений в Российской империи. Изгнание (ис-

требление плода, преступное плодоизгнание) относилось к преступлениям против личности и рассматривалось как привилегированный вид убийства.

Во втором параграфе **«Понятие плодоизгнания в российской дореволюционной юридической науке»** выявляются мотивы, толкнувшие женщину на совершение преступного плодоизгнания, которые связаны с социальной и экономической несамостоятельностью женщин в Российской империи в исследуемый период. Основными мотивами являлись: страх общественного осуждения за внебрачную связь и экономическое неблагополучие женщин. Проводится анализ научного дискурса, развернувшегося в российской юридической науке второй половины XIX –начала XX века по проблеме понятия плодоизгнания. Указывается на то, что русскими юристами было сформулировано понятие медицинского выкидыша, производимого намеренно врачом с целью сохранения жизни женщины по медицинским показателям, и понятие преступного выкидыша. А также российскими юристами были сформулированы понятия объекта преступного плодоизгнания, определен субъект преступления, его объективная и субъективная сторона.

В третьей главе диссертации **«Уголовная ответственность за преступное плодоизгнание в Российской империи (первая половина XIX – начало XX вв.)»** три параграфа.

В первом параграфе третьей главы **«Уголовная ответственность беременной женщины за преступное плодоизгнание по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его последующим редакциям»** проводится анализ норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. явилось первым в истории российского права нормативным актом, в котором плодоизгнание было выделено в самостоятельную правовую конструкцию. Последующие редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных продолжили развивать и менять нормы ответственности за данный вид преступления. Анализируются виды уголовной ответственности беременной женщины, по собственной воле, самостоятельно или в сговоре с кем-то совершившей изгнание своего плода; делается вывод о постепенном смягчении уголовной ответственности за данное преступление: замена смертной

казни бессрочным поселением в Сибирь, отмена телесных наказаний, замена бессрочного поселения срочным тюремным заключением. Проводится анализ судебной практики и уголовной статистики, который свидетельствует о неэффективности действия данной правовой нормы, выявляется большое число оправдательных приговоров в отношении женщин, совершивших плодозгнание, так: с 1892 - 1905 гг. привлечено к судебной ответственности за преступное плодозгнание 306 человек, осуждено – 36 %, оправдано – 64 %. Выявляются основания для возбуждения дел об изгнании плода, указывается на невозможность установить точное количество данных преступлений в исследуемый период, так как при официальных статистических подсчетах плодозгнание не указывалось отдельной строкой, а объединялось с детоубийством.

Второй параграф третьей главы **«Уголовная ответственность медицинских работников (врачей, акушеров, повивальных бабок) за проведение процедуры плодозгнания во второй половине XIX - начале XX века»** анализирует нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в которых установлена уголовная ответственность лиц, совершивших в отношении беременной женщины действия, приведшие к изгнанию плода. Проведенный анализ решений Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената, а также архивных дел и судебной практики позволил установить, что для судебной практики при назначении наказания не имели значение способы совершения данного преступления (дача abortивных препаратов или проведение хирургической операции), а только результат произведенных действий. Покушение на плодозгнание уголовной ответственности не подлежало. Если плодозгнание было проведено при помощи лиц, имевших медицинское образование (врачи, акушеры, повивальные бабки) или было установлено, что подсудимый и ранее был виновен в таком преступлении, то наказание, определенное в ст.ст.1932 и 1933, возвышалось на одну степень. Анализируются нормы Устава врачебного 1857 г., Устава судебной медицины 1857 г., Устава повивальным бабкам 1789 г., в которых регламентируется врачебная деятельность по родовспоможению, порядок приема и профессиональной подготовки фельдшеров и фельд-

шерц, а также повивальных бабок, устанавливается ответственность медицинских работников за причинение смерти или существенного вреда здоровью беременной женщине своими неквалифицированными действиями.

Третий параграф третьей главы «Смягчение уголовной ответственности за плодозгнание по Уголовному уложению 1903 г.» выявляет причины разработки и частичного принятия Уголовного уложения 1903 года. Анализируются решения X Съезда русской группы Международного союза криминалистов в 1914 г., XII съезда «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» в 1913 г., указывавшие на резкий рост числа криминальных аборт, неэффективность существовавших норм уголовного законодательства об ответственности за плодозгнание и выдвинувшие идеи декриминализации аборта. Проводится анализ научной дискуссии, развернувшейся среди русских дореволюционных юристов, специалистов в области уголовного права по проблемам юридической терминологии, используемой законодателем в статьях о плодозгнании в Уголовном уложении 1903 г.; выявляются причины, повлиявшие на смягчение в новом Уголовном уложении норм об ответственности за плодозгнание.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сделаны обобщения и выводы, отражающие новизну, теоретическую и практическую значимость. В результате были решены поставленные задачи и достигнута цель диссертационного исследования.

Основные результаты диссертации опубликованы в следующих работах:

I. Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ

1. Воронина, Г. А. Проблемы статистического учета криминальных аборт в Российской империи в начале XX века // Вопросы экономики и права. 2021. № 158. С. 7-8. – (0,2 п.л.)
2. Воронина, Г. А. Этапы развития уголовной ответственности за плодозгнание в Российской империи // Вопросы экономики и права. 2021. № 157. С. 7 - 9. – (0,3 п.л.)

3. Воронина, Г. А. Уголовная ответственность за плодизгнание по уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1885 года // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(127). С. 127-129. – (0,3 п.л.)
4. Воронина, Г.А. Некоторые актуальные вопросы законодательства о плодизгнании в период Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5 (5). С.5-6. – (0,15 п.л.)

II. Научные работы, опубликованные в иных научных журналах и изданиях

5. Воронина, Г.А. Искусственное прерывание беременности: современные правовые инициативы и историко-правовой опыт // Российская наука в современном мире: Сборник статей XLIV международной научно-практической конференции. Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2022. С.174-177. - (0,23 п.л.)
6. Воронина, Г. А. Правовая роль повивальных бабок в делах о плодизгнании (XVIII - середина XIX) // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963-2019 гг.). Новосибирск, 2021. С. 100-106. – (0,4 п.л.)
7. Воронина, Г.А. Ретроспективный анализ законодательства Российской империи и советского периода по вопросу искусственного прерывания беременности // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. к.ю.н., доц. С.А. Старостина. - Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2020. С.17-23. – (0,4 п.л.)
8. Voronina, G.A. The concept of fetus's extrusion in writings of the Russian Empire jurists (the end of XIX beginning of XX centuries) // European science review. 2014. № 11-12 (November-December), Vienna. P.114-115. – (0,23 п.л.)
9. Воронина, Г.А. Эффективность применения законодательства, регулирующего вопросы плодизгнания и детоубийства в Российской империи XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7(45). Ч.1. С.27-29. – (0,25 п.л.)

10. Воронина, Г.А. Некоторые актуальные вопросы отечественного законодательства в области защиты репродуктивных прав // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (М., 29 ноября 2013 г.). В 7 частях. Ч.III Мин-во обр. и науки-М.: «АР-Консалт», 2013. С.154-156. – (0,15 п.л.)
11. Воронина, Г.А. Вопрос о преступности деяния при намеренном прерывании беременности в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4(30). Ч.1. С.53. – (0,3 п.л.)
12. Воронина, Г.А. Некоторые особенности становления родовспомогательной деятельности как профессиональной в период Российской империи на примере Астраханской губернии // Актуальные проблемы мировой и региональной экономики и юриспруденции на современном этапе: Материалы международной научно-практической конференции (Махачкала, 15 февраля 2012 г.) / Отв. ред. Э.И. Атагимова, В.Т. Азизова, Д.Б. Магомедов. Махачкала, 2012. С.137-145. – (0,52 п.л.)
13. Воронина, Г.А. Законодательное оформление правового положения беременных женщин в Российской империи // Дни науки-2012: Материалы VIII международной научно-практической конференции (Прага, 27 марта-05 апреля 2012 г.). Publishing House “Education and Science” Praha. С. 32-36. – (0,58 п.л.)
14. Воронина, Г.А. Искусственное прерывание беременности в контексте права периода Российской империи (конец XVII - начало XX в.) // Правовые, социальные и политические проблемы современной России: теория и практика: сборник научных статей / сост. Е.В. Савельева, Г.В. Арсеньева, Е.Е. Рябцева. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С.42-46. – (0,73 п.л.)
15. Воронина, Г.А. Некоторые правовые и религиозно – бытовые особенности искусственного прерывания беременности в период Российской империи // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 339-343. – (0,3 п.л.)